

Мы рассмотрели лишь некоторые сюжетные линии содержательной и интересной монографии Бэдкок, отмечая попутно отдельные неполные или неточные, на наш взгляд, трактовки конкретных событий. В целом научная работа британской исследовательницы заслуживает самой высокой оценки. Ей удалось вполне объективно и многоаспектно рассмотреть две поволжские губернии в революционном 1917 году именно как арену своеобразной, но вполне осмысленной, имеющей внутреннюю логику активности народных сил; удалось выявить узловые проблемы противоречивого и болезненного продвижения различных страт российского населения к “гражданскому состоянию”; удалось обозначить дальнейшие пути перспективных исследований “политики и народа в революционной России”. Будем надеяться, что когда книга будет переведена – со всеми соответствующими корректировками – на русский язык, она вызовет пристальный интерес не только профессиональных историков, но и самой широкой публики, интересующейся историей российской революции.

Наталья КОВАЛЬЧУК

Robert Bideleux and Jan Jeffries, *A History of Eastern Europe: Crisis and Change*, 2nd Edition (London and New York: Routledge, 2007). 669 pp., ills. Bibliography, Index. ISBN: 978-0-415-36627-4.

Восточная часть Европы обычно представляется западному читателю конгломератом народов и территорий с запутанной историей и труднопроизносимыми названиями. Как отмечалось в написанной авторским коллективом аннотации к собственному труду, историческому атласу Восточной Европы, выпущенному не так давно издательством Palgrave, “история Восточной Европы трудно поддается пониманию со стороны западного жителя”.¹

Действительно, существует не так много трудов, которые предлагают полный и систематический обзор истории региона для англоязычного читателя.² Рассматривае-

¹ Dennis P. Hupnick, Harold E. Cox. The Palgrave Concise Historical Atlas of Eastern Europe. London, 2001.

² Наиболее заметным шагом в этом направлении была и есть коллективная серия под редакцией П. Шугара и Д. Тредголда: Peter. F. Sugar, Donald W. Treadgold (Eds.). A History of East Central Europe. Seattle, 1974. В этом же ряду следует назвать многотомную серию: Stephen Fisher-Galati, Béla Király (Eds.), *Essays on War and Society in East Central*

мая же в данной рецензии книга является первой частью амбициозного проекта-трилогии, авторы которого, Роберт Бидело и Ян Джеффрис, обещают представить "наиболее полный обзор и анализ политического и экономического развития Балкан и Восточно-Центральной Европы в Новое время, доступный на английском языке". За первым томом (публикации 1998 и 2007 годов) последовало издание 2007 года "Балканы: посткоммунистическая история". Ожидается выход третьей части, посвященной новейшей (со времен падения коммунистических режимов) истории стран Восточно-Центральной Европы.

Первое издание "Истории Восточной Европы" широко использовалось преподавателями как учебник, или основное чтение, и в таком качестве до сих пор фигурирует в многочисленных силлабусах, посвященных истории и политике стран Восточной Европы. Именно эту книгу я когда-то получила в наследство от поки-

дающего Украину американского лектора, который использовал ее при подготовке своих курсов. Эти факты свидетельствуют о многочисленных положительных качествах издания, к которым можно отнести сжатое изложение в сочетании с обширным, удачно подобранным фактическим материалом и умелым использованием сравнительного подхода; добротную историографическую и отчасти документальную базу; наличие соответствующего исследовательского опыта в регионе у самих авторов (Бидело является специалистом в сфере посткоммунистической и постколониальной истории, Джеффрис опубликовал несколько десятков работ, посвященных новейшим социально-экономическим трансформациям в Восточной Европе и других регионах).

Книга состоит из пяти разделов, которые рассматривают развитие Восточно-Центральной и Юго-Восточной Европы со времен античности до наших

Европе, 1740-1920. Boulder, 1987; учебник О. Галецкого "Границы Западной цивилизации" (Oscar Halecki. *Borderlands of Western Civilization: A History of East Central Europe*. New York, 1952). Из-под пера П. Вандыча вышла работа "Цена свободы" (Piotr S. Wandycz. *The Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present*. London, 1992), ограниченная территориальными рамками "малой" или собственно Центральной Европы, то есть современными границами Польши, Венгрии, Чехии и Словакии. Стоит отметить также недавнее издание работы Нормана Дэвиса: Norman Davies. *Europe East and West: A Collection of Essays on European History*. London, 2007. Существует также довольно обширная литература, посвященная истории отдельных восточноевропейских стран или их объединений.

дней. Первый раздел посвящен истории Балканского полуострова с древнейших времен до Первой мировой войны; второй – истории Восточно-Центральной Европы того же периода. Последующие разделы рассматривают события, которые, по мнению авторов, имели определяющее влияние на современное лицо региона: образование и развитие национальных государств, фашизм и Холокост (Раздел 3), коммунистические режимы (Раздел 4) и посткоммунистические трансформации (Раздел 5).

Вступление представляет собой довольно обширный раздел, который состоит из нескольких частей и содержит изложение взглядов авторов на самые важные проблемы региона. “Одной из первоочередных целей этой книги, – пишут они, – является честный и принципиальный анализ некоторых исторических отличий между западной частью Европы – с одной стороны и Восточно-Центральной и Балканами – с другой, ... [которые] проявились задолго до установления коммунистического режима и раздела Европы времен Холодной войны...” (Р. 11).

Как практически любой текст, посвященный истории региона, текст рецензируемого издания открывается рассуждениями о том, какая именно Европа стала

объектом изучения в этой книге. Бидело и Джеффрис отдают предпочтение определению Восточной-Центральной Европы как “территории между Востоком и Западом, в особенности между Германией и Россией” (Р. 12). Они, однако, не ограничиваются констатацией самого факта особого, промежуточного расположения региона, справедливо полагая, что это само по себе не является достаточным основанием для выделения территории в отдельную историко-культурную сущность. Указывая на особое “сдавненное” состояние территорий, которые в новое время находились между великими державами, они обращают внимание на формирующее влияние, которое оказало такое положение региона на его экономическую, политическую и культурную жизнь.

Не выражая сомнений в существовании Восточно-Центральной Европы как достаточно обособленного культурного и исторического региона, авторы видят больше оснований для того, чтобы рассматривать его как наиболее вестернизированную часть Восточной Европы, а не крайнюю восточную область Запада (Р. 14). Поэтому не удивительно, что из всего многообразия вариантов (Центральная, Восточно-Центральная, Юго-Восточная) именно термин “Восточная Евро-

па” появился на обложке рецензируемой книги.

Бидело и Джеффрис также довольно обстоятельно отслеживают происхождение и смысловое наполнение понятия “Центральная Европа” в его политических и академических интерпретациях: от эссе М. Кундеры до трудов П. Ханака и П. Вандыча. Авторы знакомы с разнообразием значений этого термина и множеством попыток обозначить границы региона, а также сформулировать его особую роль в судьбах европейской культуры. Сами они довольно скептически относятся к этой версии названия региона и выступают против его использования в академическом дискурсе по нескольким причинам. Во-первых, по их мнению, “Центральная Европа” долгое время была термином, относящимся, в первую очередь, к Германии и Австрии, а поэтому несет в себе ненужные ассоциации с концепцией *Mitteleuropa* и германским империализмом. Во-вторых, включение восточноевропейских территорий в расширенную версию Центральной Европы преувеличивает степень их участия в мейнстриме европейской истории Нового времени, а также не учитывает их статус европейской периферии или полупериферии (Р. хiii).

Нельзя не согласиться с утверждением авторов об изначально

политическом происхождении термина “Центральная Европа”, однако приведенные выше аргументы против его использования в академическом контексте не являются, на мой взгляд, убедительными. Во-первых, как мне представляется, резонанс от дискуссии 1980-х годов, инициированной знаменитым эссе Кундеры, был настолько сильным, что вытеснил в общественном сознании более ранние ассоциации, в частности связанные с идеями германского господства в регионе. Во-вторых, определение региона как европейской периферии не является однозначным применительно к разным территориям восточной части Европы и разным периодам их развития. Если отнесение к этой периферии Балкан или австро-венгерской Галиции почти не вызывает вопросов, то, например, Чехия начала прошлого века была по уровню развития ближе к экономическому лидерству, чем некоторые области “собственно” Европы.

К сожалению, несмотря на то, что экономическому развитию региона посвящена внушительная часть текста, анализ очевидным образом страдает от отсутствия четкого определения ключевых понятий. Например, трудно догадаться, что именно подразумевают Бидело и Джеффрис под “отставанием в развитии” (“backwardness”)

и каковы, по их мнению, критерии отставания. Также неясно, где именно проходят границы между “периферией”, “полупериферией” и экономическим центром Европа. Другой проблемой является то, что авторы рассматривают названные выше характеристики как неизменные, постоянные, присущие всей территории Восточной Европы во все времена, в то время как истинная картина намного сложнее.³

Поскольку очевидной характеристикой региона Восточно-Центральной Европы является его этническая неоднородность, интересна авторская позиция по одному из самых дебатированных вопросов – национализму и его роли в судьбе региона. Она решительно обозначена в самом названии соответствующего параграфа: “The Baleful Consequences of ‘Ethnic nationalism’ and ‘Ethnic Collectivism’”. Стоит отметить, что в первом издании книги этот параграф назывался еще более красноречиво: “The Curse of ‘Ethnic Nationalism’”, но авторы посчитали нужным смягчить первоначальную формулировку. Однако идея об особой “этнической” форме национализма, будто бы кардинально отличающей Вос-

точную Европу от территорий к западу и северу от нее, осталась неизменной и проходит красной нитью с первых до последних страниц издания. По мнению Бидело и Джеффриса, именно национализм в его этнической форме (в отличие от западного, гражданского национализма) явился корнем и причиной множества бед и проблем региона (Р. 19). Авторы воспринимают эту форму национализма как априори враждебную ценностям демократии и либерализма. По их мнению, именно этнический национализм не дал возможности развиваться принципам верховенства закона, равных возможностей и даже рыночной экономики в Восточной Европе Нового и Новейшего времени (Рр. 19-20).

Авторы делают несколько оговорок, подчеркивая, что они не разделяют популярное утверждение о врожденных отличиях в этническом характере двух частей Европы. Более того, они называют такие утверждения расистскими и предвзятыми. Однако рассуждения самих авторов книги содержат элементы если не предвзятости, то, по крайней мере, редукционизма и стереотипизации. Описанные выше теории концептуализируют

³ Похожие проблемы рассматриваются в рецензии: Nancy Meriwether Wingfield, “The Problem with ‘Backwardness’: Ivan T. Berend’s ‘Central and Eastern Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries’” // *European History Quarterly*. 2004. Vol. 34. No. 4. Pp. 535-551.

процессы национальной консолидации в Европе в виде простой дихотомии, которая состоит в следующем: в Западной Европе последствием “кризиса феодализма” стало образование протонациональных государств, в то время как соответствующий восточноевропейский кризис привел к формированию абсолютистских многонациональных империй, которые играли ключевую роль в истории региона вплоть до 1918 года. В результате в западной части континента современный национализм появился после образования протонациональных государств и развивался в их пределах. В отличие от Запада, на востоке Европы национальная консолидация происходила в рамках существующих имперских образований. Это обстоятельство, в свою очередь, привело к возникновению различных форм национализма, уже названных выше: западной (гражданской, инклюзивной) и восточной (этнической, эксклюзивной).

Дихотомия двух национализмов, предложенная в свое время историком и философом Хансом Коном,⁴ стала практически общим

местом в дискуссиях о типологии национализмов. Она же является теоретической рамкой для оценки национальных движений в Восточной Европе в книге Бидело и Джеффриса. Неудивительно, что работа Кона “Идея национализма” не просто фигурирует в библиографическом списке, но и обозначена специальным значком, свидетельствующим, что она “оказала сильное влияние на Роберта Бидело, основного автора книги” (Р. 623). Схема, разграничивающая “плохой” этнический и “хороший” гражданский национализм, как и любая другая, упрощенно описывает действительность и не учитывает многочисленных исключений, которых достаточно много в европейской истории двух последних веков. Закономерно, что она неоднократно подвергалась аргументированной критике.⁵

Комментаторы обращали внимание, во-первых, на ее историческую несостоятельность: западные государства, которые Кон и его последователи, в т.ч. авторы рецензируемой книги, изображают как модель открытого гражданского общества (США,

⁴ Hans Kohn. *Nationalism: Its Meaning and History*. Malabar, FL, 1982; *Idem*. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. New York, 1961.

⁵ См., например, Taras Kuzio. *The Myth of the Civic State: A Critical Survey of Hans Kohn's Framework for Understanding Nationalism // Ethnic and Racial Studies*. 2002. Vol. 25. No. 1. Pp. 20-39; Bernard Yack. *The Myth of the Civic Nation // National Post*. 2000. July 1; David Brown. *Are There Good and Bad Nationalisms? // Nations and Nationalism*. 1999. Vol. 5. No. 2. Pp. 287-288.

процессы национальной консолидации в Европе в виде простой дихотомии, которая состоит в следующем: в Западной Европе последствием “кризиса феодализма” стало образование протонациональных государств, в то время как соответствующий восточноевропейский кризис привел к формированию абсолютистских многонациональных империй, которые играли ключевую роль в истории региона вплоть до 1918 года. В результате в западной части континента современный национализм появился после образования протонациональных государств и развивался в их пределах. В отличие от Запада, на востоке Европы национальная консолидация происходила в рамках существующих имперских образований. Это обстоятельство, в свою очередь, привело к возникновению различных форм национализма, уже названных выше: западной (гражданской, инклюзивной) и восточной (этнической, эксклюзивной).

Дихотомия двух национализмов, предложенная в свое время историком и философом Хансом Коном,⁴ стала практически общим

местом в дискуссиях о типологии национализмов. Она же является теоретической рамкой для оценки национальных движений в Восточной Европе в книге Бидело и Джеффриса. Неудивительно, что работа Кона “Идея национализма” не просто фигурирует в библиографическом списке, но и обозначена специальным значком, свидетельствующим, что она “оказала сильное влияние на Роберта Бидело, основного автора книги” (Р. 623). Схема, разграничивающая “плохой” этнический и “хороший” гражданский национализм, как и любая другая, упрощенно описывает действительность и не учитывает многочисленных исключений, которых достаточно много в европейской истории двух последних веков. Закономерно, что она неоднократно подвергалась аргументированной критике.⁵

Комментаторы обращали внимание, во-первых, на ее историческую несостоятельность: западные государства, которые Кон и его последователи, в т.ч. авторы рецензируемой книги, изображают как модель открытого гражданского общества (США,

⁴ Hans Kohn. *Nationalism: Its Meaning and History*. Malabar, FL, 1982; Idem. *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. New York, 1961.

⁵ См., например, Taras Kuzio. *The Myth of the Civic State: A Critical Survey of Hans Kohn's Framework for Understanding Nationalism* // *Ethnic and Racial Studies*. 2002. Vol. 25. No. 1. Pp. 20-39; Bernard Yack. *The Myth of the Civic Nation* // *National Post*. 2000. July 1; David Brown. *Are There Good and Bad Nationalisms?* // *Nations and Nationalism*. 1999. Vol. 5. No. 2. Pp. 287-288.

Британия, Франция, Швейцария, Канада), не были таковыми со времен основания, они начинались как эксклюзивные объединения, дискриминировавшие граждан по расовому, религиозному, сословному или этническому принципу. История Запада знает достаточно много примеров именно этноцентричной и универсализирующей политики государства – достаточно вспомнить методы превращения французов “из крестьян в нацию” или унификацию Италии и Германии, а также кровавые конфликты на национальной и/или религиозной почве. С другой стороны, схема не учитывает неоднородность национальной политики, которую проводили новообразованные национальные государства Восточной Европы (например, разница между Югославией и Чехословакией межвоенного периода достаточно очевидна), а также примеров того, когда восточноевропейские правительства проводили политику более либеральную и инклюзивную, чем их западные соседи.

Если учитывать взгляды авторов, неудивительно, что разделы “Истории Восточной Европы”, посвященные возникновению независимых государств после Первой мировой войны и их дальнейшему существованию, имеют соответствующую эмоциональную окраску и смысловое наполнение.

Само название раздела, видимо, должно подготовить читателя и настроить его на соответствующий лад: “How the Fallacious and Destabilizing Doctrine of National Self-Determination Compounded the Curse of ‘Ethnic collectivism’”. Самое сильное впечатление производит параллель, которую авторы проводят между принципом национального самоопределения, с одной стороны, и тоталитарными идеологиями – с другой:

Хотя откровенно тоталитарные идеологии коммунизма и итальянского фашизма причинили колоссальный вред, их последствия блекнут по сравнению с последствиями буквального или фундаменталистского прочтения заманчиво высокопарного, но опасного и обманчивого принципа национального самоопределения, который нашел свое логическое завершение в Холокосте и других планах этнических чисток и геноцида (Р. 325).

В разделах, посвященных новейшему периоду истории Восточной Европы, авторы остаются последовательными в своей недоверии к перспективам национальных государств. Последние по умолчанию являются (в начале XXI века, равно как и в межвоен-

ном периоде) “эксклюзивными, нетолерантными и эгоистичными”. Анализируя различные аспекты посткоммунистической трансформации, Бидело и Джеффрис настаивают, что эффективное реформирование центрально- и восточноевропейских государств невозможно в рамках существующих национальных образований. По их мнению, как и во времена основания и обретения независимости, единственная для них возможность “уйти от эндемических конфликтов, нестабильности, национального мессианизма и опасностей воскрешения различных форм авторитаризма, цезаризма, религиозного и этнокультурного коллективизма” (Р. 620) заключается в опоре на международные регулирующие организации, а также в создании региональных координирующих структур. Этот путь, по мнению авторов, является “единственной надеждой” региона.

Авторы книги выделяют Балканы как особый субрегион в рамках Восточной Европы. Несмотря на то, что балканские исследования являются одной из сфер особого интереса для обоих авторов, в разделах, посвященных полуострову, просматриваются мотивы, достаточно типичные для популярного

дискурса: взгляд на Балканы как на фрагментированный, поделенный на основании абсурдных и надуманных критериев мир, не желающий организовать в единое, моноэтническое и моноконфессиональное государство.⁶ Первый пример можно найти уже в главе о средневековых государственных образованиях на Балканах. По мнению авторов, было бы значительно лучше (sic!) для региона, если бы объединенная югославянская империя образовалась тут намного раньше, например во времена болгарского царя Симеона или сербского правителя Стефана Душана. Создание единого балканского государства (тут авторы продолжают ряд ретроспективных прогнозов тезисом, что в таком случае Албанию и даже Грецию ожидала бы постепенная славянизация) превратило бы полуостров в менее фрагментированный и уязвимый (Р. 68).

Отмечу, что отдельные части книги неравнозначны и существенно отличаются по смысловому наполнению и стилю изложения. Если разделы, посвященные Средневековью и раннему Новому времени, написаны в повествовательной манере, то последующие части, в которых авторы концентрируют внимание на изменениях

⁶ Анализ этого явления в научной и научно-популярной литературе см. в Katherine E. Fleming. *Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography* // *American Historical Review*. 2000. Vol. 105. No. 4. Pp. 1218-1233.

в экономической и социальной сферах, больше напоминают статистическую сводку.

Читателю, не знакомому с фактической стороной событий, будет трудно составить целостную картину развития региона при помощи рецензируемой книги. Несбалансированность содержания, а также спорные методологические подходы вынуждают констатировать, что цели, которые ставили перед собой ее авторы, остаются все еще актуальными для будущих исследований.

Wim van MEURS

Peter Kenez, *Hungary from the Nazis to the Soviets: The Establishment of the Communist Regime in Hungary, 1944–1948* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006). ix+312 pp., ill. Notes, Bibliography, Index. ISBN: 978-0-521-85766-6 (hardback edition).

Generally speaking, three genres may be distinguished in historiography on the communist takeovers in Eastern Europe after World War II, four if the communist view of a voluntary movement of workers in favor of Soviet-type communism is included. A traditional geostrategic view would have assumed a Soviet master plan to absorb half of Europe into its sphere of influence and would have underlined the similarities in the strategies of takeover and their outcomes from Warsaw to Bucharest. Conversely, national histories tend to marginalize the similarities to the contemporary fate of neighboring nations and treat the communist takeover as a national catastrophe. The memoirs of those who played an active and often tragic role in the takeover constitute a third genre.

Peter Kenez's history of the communist takeover in Hungary belongs to all three genres or "schools" in this particular field of research. Although he fails to mention this relevant piece of information, Kenez has been an